

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

П. Гареньяни¹

профессор экономического факультета Третьего университета Рима

ОБ ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О современном состоянии экономической теории

Дискуссия 2005—2006 гг. в секции экономических исследований Комитета по оценке исследований (CIVR), организованная Министерством высшего образования Италии (MUIR, 2006), затронула вопросы текущего положения в области экономической теории, значимость которых выходит далеко за рамки проблемы собственно критериев оценки исследований в данной области.

Позволю себе начать издали, с рассмотрения некоторых сигналов, указывающих на низкий престиж экономической науки в широкой среде научного сообщества. Замечу сразу же, что это положение резко контрастирует с положением экономической науки в период, начавшийся незадолго до Второй мировой войны и продолжавшийся несколько десятилетий после ее окончания, после которого доминирующая [неоклассическая] экономическая теория, парадоксальным, казалось бы образом, погрузилась в ситуацию глубокого кризиса.

Именно такое впечатление складывается, например, при чтении во влиятельном французском ежемесячнике заметки с характерным названием «Мошенничество» (Henderson, 2005), содержащей протест шведских ученых, близких к Королевской Шведской академии, против придания престижного имени А. Нобеля премии в области экономики, которая, подчеркивают они, в отличие от других премий финансируется Банком Швеции, а не Фондом Нобеля. Эти ученые считают, что мемориальную премию памяти А. Нобеля в области экономики следует либо отменить, либо расширить и превратить в премию для общественных наук в целом, лишив при этом имени А. Нобеля. В противном случае, по их мнению, другие Нобелевские премии будут постепенно терять свой престиж.

Или же в среде ученых-неэкономистов случается встретить мысли, характерным выражением которых служит следующее высказывание признанного итальянского математика и философа науки: «...полученные [в области теории общего экономического равновесия] негативные результаты становится трудно замалчивать или минимизировать [...] принимая во внимание практику, которая не делает чести исследовательской работе, претендующей на звание научной» (Israel, 2000, p. 47).

Но на самом деле нет необходимости покидать сообщество экономистов, включая и экономистов, работающих в рамках преобладающих ныне течений, для получения сигналов, указывающих на значительную неловкость, испытываемую ими в связи с современным состоянием экономической теории, а также на

¹ Эл. адрес: sraffa@uniroma3.it.

их озабоченность и беспокойство относительно будущего экономики как науки. Так, Эдмон Малинво (Edmond Malinvaud), один из ведущих представителей доминирующего подхода, пишет: «Существует серьезный риск того, что экономика все больше теряет контакт с реальностью и развивается сама в себе, подобно схоластике» (Malinvaud, 1991, p. 66).

Другой значительный представитель данного подхода, Алан Кирман (Alan Kirman), признает: «Современная теория общего равновесия, цитадель неоклассической теории, пуста в том смысле, что не может предоставить элементы научной теории, иными словами, элементы, которые могут быть эмпирически фальсифицированы» (Kirman, 1989, p. 127).

Не может поэтому вызвать удивление то, что, когда три-четыре десятилетия назад преобладающие теперь переформулировки [неоклассической теории. — *Прим. пер.*] только начинали распространяться со своих тогдашних позиций — с позиций квазигетто, в которых находились группы экономистов-математиков, не имевшие никакого или почти никакого влияния на теорию, изучаемую и преподаваемую в таких университетах, как Кембридж времен Маршалла, Пигу и Кейнса, — на позиции не подлежащего обсуждению центра экономической теории, это выдвигание уже тогда сопровождалось хором обеспокоенных голов. Среди них можно указать на мнение тогдашнего президента Королевского экономического общества Фелпса Брауна (Phelps Brown), который рассматривал складывающуюся ситуацию как «причину растущего разочарования и обеспокоенности для тех, кто заинтересован в движении вперед экономики как науки» по поводу того, что изучение экономики может стать попросту «бесполезным для рассмотрения экономических проблем» (Phelps, 1972, p. 2). Президент британского Национального института экономических и социальных исследований Уорсвик (Worswick) предполагал, со своей стороны, что «увлеченность некоторых экономистов абстрактными играми, представляющими незначительную ценность», может через их влияние на экономическое образование затруднить «изучение реальных проблем серьезными экономистами». В. Леонтьев в своем президентском обращении к Американской экономической ассоциации отмечал растущую в научной литературе тенденцию к «эфемерности существенного содержания» аргументов, рожденных за «поразительным фасадом алгебраических символов» (Leontief, 1971, p. 1—2).

Также не может вызвать удивление то, что в сравнительно недавнее время в номере «Economic Journal» (1991), посвященном столетию издания и прогнозирующем будущее экономической науки на следующие 100 лет, некоторые из приглашенных авторов указывали на возможность, если не на необходимость, «парадигмального» изменения в экономической теории (Turnovsky, 1991, p. 143; Wiseman, 1991, p. 150; Schmalensee, 1991, p. 143). Представляется значимым то, что этот вопрос последовательно ставился как до указанного периода острого кризиса доминирующей теории, так и после него. Выдающимся доказательством от обратного здесь служат труды Пола Самуэльсона, который за последние 30 лет потратил значительную часть своих усилий, стремясь в ряде своих статей аргументировать отсутствие альтернативного доминирующей парадигме «спроса и предложения» теоретического подхода, наличие которого в трудах Рикардо и других английских представителей классической политической экономии обосновывал Пьеро Сраффа¹.

Все это с легкостью объясняет недовольство, которое ширится среди наиболее заинтересованной молодежи, начинающей изучение экономики на углубленном

¹ См., напр.: (Samuelson, 2000); а также последовавшие работы: (Garegnani, 2007; Samuelson, 2007; Garegnani, 2007b).

уровне. Оно было выражено, например, в известных обращениях аспирантов из Франции, британского Кембриджа, лучших американских университетов. Что касается этих последних, недовольство тем, чему их обучают, было представлено в получившем широкое распространение сборнике интервью (Klamer, Colander, 1990). Ознакомление с ним стало достаточным поводом для проведения в начале 1990-х гг. всеобъемлющего обследования аспирантских программ, инициированного Американской экономической ассоциацией (АЕА, 1991). Результатом обследования стало, помимо прочего, широкое согласие в том, что математике придается излишнее значение в ущерб, как признается, изучению проблем реального мира и тех вопросов, которые могут быть поняты на основе соединения эмпирических и институциональных исследований. Это можно считать одним из симптомов того, что доминирующая теория за кажущейся точностью потеряла ту содержательность, которую демонстрировала в трудах таких авторов, как Маршалл, Дж. Б. Кларк, Викселль или Пигу (Lee, 1991, p. 1085—1086).

По поводу потери теорией содержательности представляется уместным процитировать бывшего главного редактора «Economic Journal» Джона Хей (John Heu), который говорит о вещах, напоминающих нам, что, когда научное сообщество отстает от целей познания как приоритетных, частные пороки могут с легкостью привести к подавлению в действиях отдельных личностей научных ценностей. Хей пишет: «Многие из статей, предлагаемые для публикации [в “Economic Journal”], не кажутся написанными для продвижения вперед познания в области экономики [...] удручает то, что многие экономисты, как кажется, играют в особую “журнальную игру”, иными словами, производят вариации на одну и ту же тему, которые имеют незначительный интерес и ничего не раскрывают» (Heu, 1997, p. 4).

Он отмечает затем, что весьма показательно засилье в предлагаемых к публикации работах математических моделей: «Типичная модель создается не для чего другого, как для получения результата, подогнанного под факты, наблюдаемые автором. Это может быть по-своему интересным занятием, но оно должно дополняться рассмотрением вопроса о том, является ли данное объяснение более полезным и правильным по сравнению с альтернативными объяснениями. Построение моделей ограничивается получением желаемого результата и демонстрацией умелости и способностей автора, оно не имеет теоретической значимости» (Heu, 1997, p. 3—5).

Несомненно, что столь авторитетно оцененное качество «многих из статей», предлагаемых одному из основных печатных изданий экономической науки, вряд ли может хорошо характеризовать ее общее состояние.

Заключить этот беглый обзор мы можем решительным суждением одного из наиболее известных современных историков и методологов экономической науки, внимательно относящегося к общей ситуации в профессии. В одной из недавних статей он лапидарно заключает: «Современная экономика больна». Он также пишет: «Она все больше превращается в интеллектуальную игру с целью игры самой по себе, не служащую понимаю экономической действительности. [...] Вчерашняя [“мрачная наука”] была намного менее мрачной и не угнетала усыпляющим схоластицизмом науки сегодняшней» (Blaug, 1997, p. 3). Ср. также: (Blaug, 2001).

Проблемы теории за последние 70 лет

В чем же причины столь низкого престижа экономической науки, в чем причины чувства неловкости и неудовлетворенности среди некоторых из наиболее внимательных и интересных ее представителей и адресатов? Они кажутся симп-

томами скорее ее упадка, чем развития и роста логической строгости, провозглашаемых некоторыми другими ее представителями — нередко с подозрительной жесткостью и уверенностью.

Мы уже упоминали кажущийся парадокс, по которому эти симптомы отсутствовали несколько десятилетий назад, в довоенный и послевоенный периоды. В то же время в силу критики Кейнса и некоторых других достижений доминирующая (неоклассическая) теория находилась тогда в состоянии широко признаваемого кризиса, и значительная часть представителей профессии тем или иным образом выносили ей приговор. Можно предположить на основе сказанного выше, что процесс, происходивший в последующие десятилетия, приблизительно с середины 1970-х гг., был скорее не эволюцией теории, которая преодолела недостатки, выявленные в предшествующий период, улучшила логическую структуру и обратилась к реальности, а ее *реставрацией*. В рамках этой реставрации элементы теории, наиболее подверженные критике, видоизменились, приняли менее четкую и эксплицитную форму и сделались таким образом менее заметными. Различными аспектами проведенной реставрации стали, полагаем, упомянутый «поразительный фасад алгебраических символов», который скрывает «эфемерность существенного содержания» и, добавили бы, эклектицизм новых исследовательских направлений, который иногда кажется способом избежать проведения исследований, лишенных опоры на целостную логическую структуру и основные положения теории, иногда же (или вместе с тем) попыткой скрыть или компенсировать их собственную бесплодность при сохранении, однако, принадлежности к определенному видению экономических процессов. Различные элементы, в особенности те, что временно препятствовали естественной процедуре критики, подкрепляют данную интерпретацию произошедшего процесса как реставрации — с характерным для всякой реставрации жестко подавляемыми ощущениями слабости, ненадежности и нестабильности.

Здесь — неизбежно — мы вступаем в область, полную противоречий. Тем не менее в своем дальнейшем изложении мы будем стремиться придерживаться, насколько это возможно, фактов. Так, фактом является жесткий удар, нанесенный доминирующей теории работой Дж. М. Кейнса («Общей теорией занятости, процента и денег». — *Прим. пер.*) и ее успехом. Отрицая тенденцию конкурентного механизма к достижению полной занятости, Кейнс фактически отрицал фундаментальный теоретический постулат, согласно которому тенденция к выравниванию спроса и предложения факторов производства, включая и труд, ведет как к установлению цен, так и к определению размера, состава и распределения общественного продукта. Тот факт, что анализ Кейнса оказался, по существу, сведен к феноменам, относимым к области экономического цикла, равно как и признание Кейнсом некоторых предпосылок ортодоксальной теории наряду с рядом различных политических и социальных обязательств действительно способствовал частичному поглощению его критического заряда. Но все же полагаем, что после нанесенного удара доминирующая ортодоксальная теория так и не смогла больше вернуться к уверенности и цельности, которыми обладала ранее.

Также является фактом разнородная, но теоретически связанная критика, развернувшаяся с конца 1950-х гг. и выбравшая целью прежде всего предпосылки ортодоксальной теории, а не выводы из нее (речь идет о развитии так называемого неорикарданского подхода, направленного на возрождение традиции классической политической экономии в интерпретации, предложенной П. Сраффой. — *Прим. пер.*). Центральным пунктом этой критики было раскрытие ложности некоторых положений ортодоксальной теории, имеющих фунда-

ментальное значение: например, положения, согласно которому количество задействованного фактора производства при неизменном количестве остальных факторов с необходимостью должно изменяться в обратной пропорции по отношению к его цене. Это, в свою очередь, должно приводить к соответствующему изменению методов производства в сторону более прибыльных (за счет замещения, перехода к использованию относительно более дешевых факторов. — *Прим. пер.*). Критика обратила внимание на следующее: непосредственно противоречит указанному положению существование возможности применения как наиболее прибыльного одного и того же метода производства товара с использованием одинакового набора физических количеств производственных ресурсов на двух различных точках (или интервалах) распределения. С этим также связан и тот факт, что в условиях, когда капитал рассматривается как единый фактор (и поэтому с необходимостью измеряется в стоимостных показателях), пропорция капитала к труду в методе производства может уменьшаться, а не увеличиваться при уменьшении ставки процента, так как именно такой метод производства может становиться более прибыльным.

Данное открытие было связано с теми недостатками концепции капитала как «единого фактора производства», которые до того всегда ощущались, но не находили разрешения — при том что именно эта концепция лежала в основе развития доминирующей (неоклассической) теории. Сегодня приходится напоминать в связи с этим то, что должно было бы являться очевидным: а именно, что нельзя считать возможным распространение концепции классиков о вариации в пропорции земли и труда на понятие капитала. Ведь она изначально не предназначена для рассмотрения множества капитальных благ — благ различных типов, применяемых в альтернативных методах производства одного товара, не говоря уже о методах производства различных товаров как составных частей единого однородного фактора производства «капитала», способного воплощаться в самые разные физические формы. Иными словами, неверно полагать возможным построение на основе принципа «замещаемости» факторов общего объяснения как пропорций распределения (общественного продукта), так и относительных цен.

Произведенное раскрытие недостатков неоклассической концепции капитала (в 1960-х — начале 1970-х гг.) привело к тому, что в течение нескольких лет из теории были отброшены распространенные в ней тогда формулировки, в более или менее явном виде выражавшие понимание капитала как текучей субстанции, способной воплощаться в форму любого конкретного капитального блага. Однако исчезновение этих версий представляется результатом прежде всего их явного противоречия с рассматриваемыми феноменами, а не признания (экономистами-неоклассиками) в свете проведенного критического анализа неадекватности маржиналистской попытки объяснить и установление цен, и распределение в терминах равновесия спроса и предложения. Так, концепция замещаемости факторов, прочно пустившая корни в устоявшемся образе мышления, рассматривается как бесспорная. Ее практическое приложение в том, что касается рассмотрения капитала, приводит к трактовке всякого отдельного капитального блага как фактора производства в целом, т. е. к той трактовке, которая изначально никогда не смогла бы привести к возникновению концепции замещаемости и основанной на ней теории¹.

¹ Несомненно, уже Вальрас трактовал каждое капитальное благо в отдельности как фактор производства в целом. Как известно, он, однако, наряду с другими своими современниками и предшественниками ошибочно полагал, что на этой основе можно определить единый уровень прибыли (или доходности на цены предложения капитальных благ). Для него поэтому не было никакой необходимости в переформулировке концепции равновесия, аналогичной той, которая

Итак, исчезновение из области чистой теории версии, в рамках которой она была признана в последней четверти XIX в. в силу своего кажущегося соответствия реальности вкупе с пределами, до которых она в реальности способна поглотить критику Кейнса, — это факты, безусловно, имеющие отношение к тому чувству неловкости, с которым многие относятся к современной экономической науке.

Отмеченное выше видоизменение неоклассической теории, между прочим, часто остается незамеченным, когда говорится о победе британского Кембриджа в дебатах о капитале между «двумя Кембриджами» (дебаты получили такое название в силу того, что споры велись в основном между представителями Кембриджского университета и Массачусетского технологического института, расположенного в Кембридже, штат Массачусетс, США. — *Прим. пер.*). Эта «победа», однако, не оказала никакого долговременного воздействия на доминирующую теорию. Фактически ее значение было сведено к некоей попытке радикальной ревизии теории — достаточно опасной в силу ее осознаваемой основательности.

Но можно выдвинуть следующее возражение: речь ведь идет о правке в результате критики концепции капитала, принятой в первоначальной версии теории, а не о теории самой по себе. Это также является фактом наряду с указанными выше. С этим фактом, однако, необходимо увязать другие два.

Любая область науки не терпит радикальной теоретической пустоты, поэтому указанные выше два критических подхода нуждались в наличии альтернативного теоретического аппарата, который был бы в достаточной степени разработан и проверен, находился бы на уровне разработки и систематизации, сравнимом с уровнем, которого достиг теоретический аппарат критикуемой неоклассической теории в ходе более чем векового развития. Задача разработки такого альтернативного аппарата, выдвинутая в духе, опережающем время, решалась параллельно с критикой и была связана с новым открытием анализа классической политической экономии, начавшимся после издания Сраффой собрания сочинений Рикардо. Классический анализ, несомненно, имел за собой длительный период проверки и разработки в духе своего времени. Однако особенности перехода от классической теории к маржиналистской и не в последнюю очередь интерпретация первой со стороны Альфреда Маршалла в терминах спроса и предложения, упрощенных за счет гипотезы постоянной отдачи, привели к тому, что существенные принципы классического анализа были, пользуясь известным выражением в предисловии к «Производству товаров...» Сраффы, «отброшены и забыты» (*submerged and forgotten*). Подлинное возвращение к классической традиции требовало более радикального изменения видения экономических процессов, чем на тот момент представлялось возможным. Для этого изменения, считаем, у нас и сегодня есть лишь предпосылки.

Вторым фактом стала оборонительная линия, подготовленная Хиксом в его «Стоимости и капитале», примерно за 20 лет до начала рассмотренных дебатов. Появление на поле битвы переформулированной и видоизмененной им версии теории, частично улучшенной за предшествующее время (прежде всего в США) и агрессивно продвигаемой защитниками доминирующей теории сразу после

возникла позже для Хикса. Кроме того, в отношении процесса накопления капитала и общих законов распределения Вальрас считал, что может без возникновения неоднозначности говорить о возрастании или уменьшении капитала в целом (см., напр., § 327, 331 его «Элементов...»), последовательно трактуя его в дальнейшем как единую величину, пусть и в ординалистском смысле. Не может удивлять то, что его концепция капитала не отражалась в основном направлении экономической теории до работы Хикса (1939), с тем чтобы стать доминирующей около трех десятилетий спустя, или после того как первый этап дебатов о капитале привел к отбрасыванию из чистой теории концепции капитала как единой величины.

начальных этапов дебатов, отчасти застало врасплох критиков, группирующихся вокруг британского Кембриджа, где хиксианская версия до того была, по сути, проигнорирована как чрезмерно усложненная и малосодержательная. Такое отношение, очевидно, вело к недооценке ее истинного значения: оборонительного.

Необходимость критики этих переформулировок на уровне более высоком по сравнению с чисто методологическим указанием на сомнительную по отношению к наблюдаемым феноменам значимость видоизмененных представлений о равновесии стала задачей новой и неожиданной. Работа в данном направлении была существенно затруднена как расплывчатой концептуальной формой, в которой видоизмененная версия теории введена Хиксом и продолжала развиваться его последователями, так и тяжелыми математическими орудиями, которыми они прикрывались. Не удивительно, что лишь в самое недавнее время критика подала ясные сигналы о том, что она вплотную подошла к рассмотрению аналитического содержания видоизмененной версии теории¹.

Современные исследования в области экономической теории и их оценка

Не исключено, что рассмотрение вопросов, связанных с обстановкой в экономической теории, в течение последних десятилетий может показаться затянутым. Однако напоминание о тех изменениях и переделках, которые привели теорию к ее сегодняшнему, далекому от радужного, состоянию, обрисованному вначале, представляются нелишними для обсуждения сегодняшних критериев оценки экономических исследований.

С учетом описанной ситуации, например, представляется очень однобокой картина «международных экономических исследований», нарисованная коллегой Табеллини и представленная от имени большинства секции CIVR в приложении 6 к упомянутому докладу (MUIR, 2006), поэтому вполне объяснимо резкое несогласие в связи с этим коллеги Пазинетти, высказанное в рамках той же комиссии. Благодаря весьма своеобразному обращению к примеру американских университетов, вряд ли разделяемому американскими аспирантами, с которыми проводили собеседования Кламер и Коландер (Klamer, Colander, 1990), в нарисованной Табеллини картине остается место только для доминирующей теоретической парадигмы. В ней делается ссылка на «разнообразие различных между собой подходов», но, как показывают приводимые примеры, речь может идти в большей степени об образчиках эклектицизма, характерного для современной реставрированной теории, с помощью которого делаются попытки уравновесить ее слабый контакт с реальностью, без отхода в то же время от натуралистически-дедуктивного схематизма маргиналистской системы. Так, даже в рамках исследований, направленных на возвращение к анализу центральной роли институтов и широких социальных сил, сама сущность исторического метода часто отбрасывается в сторону.

В докладе есть единственное упоминание критических исследований, отмеченных нами выше и внесших вклад в современную неудовлетворенность положением экономической теории. Но оно связано с указанием на, цитируем, «устаревшие области исследований, широко обсуждаемые в прошлом, где пионерские разработки появились много десятилетий назад», и связанные с ними «секты, находящиеся на пути к вымиранию» — на те самые «области» и «секты», чей критический потенциал, как представляется, уже привел к изменению

¹ См., напр., изложение общей дискуссии, происходившей на конференции по общему экономическому равновесию в Сиене, 1999 г. (Hahn, Petri, 2003).

внешнего облика доминирующей теории и еще может продолжать воздействовать на нее на более глубоком уровне. Более того, как мы могли видеть, есть все основания полагать, что «широкое обсуждение» до сих пор не было достаточно широким. Хочется заметить также, что подобный тип аргументации вполне пришелся бы по вкусу аристотелианцам из университетов Падуи и Пизы (интернациональных тогда в той же степени, что и американские университеты сейчас), которые вполне могли сдерживать Галилея в силу того, что «пионерские разработки» Коперника, помимо прочего, появились «много десятилетий назад».

Приведенные соображения позволяют вывести некоторые базовые положения относительно оценки экономических исследований сегодня. Очевидно, что при наличии элементов, дающих основание подозревать дефекты в фундаменте доминирующей теоретической парадигмы, лучше избегать введения таких критериев оценки, которые прямо или косвенно отражают господствующий способ мышления. Полагаю, что, каким бы трудным это ни казалось, серьезная оценка исследований сегодня должна была бы базироваться исключительно на оценке качеств самих работ (логической строгости, оригинальности, важности рассматриваемых вопросов и т. д.) *в рамках того теоретического подхода, к которому они относятся*, вне зависимости, является ли он превалирующим или нет, разделяется тем, кто производит оценку, или нет.

Безусловно, данный принцип имеет большое значение в любой научной области и для любого периода, в особенности для наук о человеке, наиболее подверженных воздействию посторонних для науки интересов (см., напр.: Marcuzzo, Vianello, 2000). Однако принципиально важно подчеркнуть, что сегодня как никогда он имеет фундаментальное значение для экономики в силу сложившейся особой ситуации для той парадигмы, которая доминирует в ней.

Указанный базовый принцип имеет самое непосредственное отношение к вопросу, являвшемуся центральным в упомянутой выше дискуссии, а именно к вопросу о так называемом индексе цитирования (*Impact Factor*), т. е. о важности, которая, как утверждается, должна при оценке исследователя придаваться наличию у него публикаций в периодических изданиях, имеющих наибольшее число цитирования, определяемое американским Институтом научной информации (*Institute for Scientific Information*). (Обращает на себя внимание то, что речь идет о цитируемости самих изданий, в которых публикуется исследователь, а не о цитируемости его собственных работ, что было бы логично ожидать.) Такая процедура, как считается, может обеспечить процесс оценки «объективными» элементами. Доводы, которые в значительной степени опровергают идею о ее объективности, хорошо проиллюстрированы в одной работе (Figà Talamansa, 2006), где показывается, как можно манипулировать применением индекса цитирования и как его использование может избавлять редактора или рецензента от необходимости аргументировать свой отказ и фактически ограждать от всякой критики со стороны профессионального сообщества.

Примеры, приводимые в работе, относятся к области математики, но нам кажется очевидным, что они по большей части применимы и к области экономики, которая характеризуется наличием, с одной стороны, главенствующего направления, контролирующего основные печатные издания (т. е. издания с наивысшими индексами цитирования), а с другой — критических школ, которые находятся в меньшинстве и имеют доступ преимущественно к «второстепенным» изданиям. Такая ситуация ведет к возникновению значительного и решающего неравенства. Тот, кто подобно автору лично или на примерах своих коллег и учеников сталкивался с трудностями для представителей «меньшинства» при попытках публикации в «первоклассных» изданиях работ (работ, научное значение которых позднее широко признавалось), должен четко и ясно за-

явить, что механическое применение индекса цитирования как показателя научных достоинств никоим образом не может быть достоверным.

Здесь нет нужды напоминать о различиях в способностях исследователей или их наставников «заводить отношения», что при равных достоинствах влияет на возможность публикации в одних изданиях скорее, чем в других. Равным образом не нужно напоминать о том, что в каждом журнале можно найти как более, так и менее хорошие статьи. Достаточно указать здесь, что применение индекса цитирования при оценке исследователей ставит в привилегированное положение преобладающий теоретический подход в такой степени, что этот охранительный ход кажется часто прикрытием атаки на указанные выше критические направления. Таким образом, должно быть совершенно ясно, что данный метод не может вести к тому, что мы считаем чрезвычайно важным в современных условиях: а именно к оценке ценности исследования исходя из того направления, в рамках которого оно выполнено.

Представляется, что попытки корректировок индекса цитирования, направленные на то, чтобы учесть тем или иным способом также и наличие «второстепенных» журналов, не могут быть лучшим из решений. Если эти коррективы и способны улучшить ситуацию, предотвращая дискриминацию в ущерб отдельным теоретическим направлениям, в том числе и опосредованно за счет снижения реального веса каждого механического цитирования в обратной зависимости от величины тиража, то они не могут учитывать иерархии среди «второстепенных» журналов, которые, в свою очередь, представляют различные теоретические направления. Это имеет непосредственное отношение к оценке отдельного исследователя на протяжении его академической карьеры. Ситуация может быть иной по отношению к оценке учреждений, будь то отделения, факультеты или университеты, где суждения об отдельных исследователях должны уступать место суждениям о достигнутом среднем уровне. Здесь простая ссылка на индексы, связанные с публикациями, представляется более обоснованной — в случае, естественно, если эти индексы будут свободны от тенденциозности.

В действительности максимально возможное освобождение оценки отдельного исследователя от тенденциозности, связанной с его принадлежностью к тому или иному подходу, может быть достигнуто только при наличии двух факторов. Первый — оцениваться должно само содержание научных работ, без механического делегирования ответственности неизвестным рецензентам и редакторам журналов. Второй — прозрачность процесса оценки: т. е. оценивающий должен брать на себя полную ответственность за вынесенные оценки с тем, чтобы он сам мог быть подвержен оценке со стороны научного сообщества. Между прочим, достижение указанной прозрачности может обеспечиваться сегодня средствами, неизвестными в прошлом (например, немедленный доступ общественности к протоколам промежуточных стадий процесса оценки через Интернет). В этом случае оценки, чрезмерно искаженные теоретическими предпочтениями оценивающего, скажутся на его добром имени, как это и происходило в прошлом. Можно выдвинуть возражение, что речь здесь идет о возвращении к традиционной системе с ее известными недостатками. Уверены, что в действительности эти недостатки имели мало касательства собственно к критериям оценки, бывшими, по сути, справедливыми. Они относились к более общим принципам и обычаям университетской системы с ее слишком жесткой привязкой учеников к научным руководителям, с ее сведением счетов и особенно с концентрацией власти, которую система делала возможной и которая, как мы знаем, часто была мало связана с научными заслугами. Именно с этой ее стороны были связаны, полагаем, принципиальные возражения в ее сторону. Счи-

тать, что эти недостатки могут быть преодолены с помощью библиометрического метода, который, как мы уже знаем, внутренне ущербен, нам кажется иллюзорным, ибо в этом случае происходит фиксация на поверхностном и частном проявлении проблемы. Вместо неоправданной власти, сконцентрированной на уровне отдельной комиссии или совета, мы рискуем получить власть более всеобщую и анонимную, а потому более вредную для науки — власть, действующую на уровне доступа в наиболее цитируемые журналы. Легко представить возможные последствия этого — о свободе и новаторстве научных исследований, и прежде всего об их этике (здесь вспоминается упомянутая в начале «журнальная игра»), можно забыть.

Большой интерес в связи с этим представляют результаты одного небольшого исследования (Bowles, 2007), заказанного Итальянским обществом экономистов (Società Italiana degli economisti, SIE). В ходе его были опрошены 15 ответственных лиц из тех экономических отделений американских университетов, которые традиционно считаются наилучшими. В результате выяснилось, что показатели индекса цитирования практически никогда не оказывали влияния на процесс оценки кандидатов на должности в этих отделениях. Так, один из опрошенных отметил, что, «говоря откровенно, если бы научная работа оценивалась подобным механическим способом, США вряд ли находились бы на передовых позициях в научных исследованиях»; другой сказал, что, «даже если кандидат обладает оптимальным списком публикаций в наиболее уважаемых изданиях, практика нашего отделения подразумевает чтение данных статей самими нами для формирования собственных оценок»; еще один из опрошенных признал: «Посетив Европу прошлой осенью, я был удивлен тому значению, которое придается там ранжированию журналов... мы не занимаемся подобными формальными ранжированиями». В то же время из цитированного выше мнения большинства участников дискуссии в секции экономических исследований Комитета по оценке исследований может сложиться впечатление, что индекс цитирования широко применяется в США: боюсь, что это стало результатом заблуждения. Индекс цитирования там действительно рассчитывается Институтом научной информации, но используется библиотекарями для комплектования фондов.

Должны отметить вместе с тем, что наряду с предполагаемой объективностью, которая, как мы помним, имеет под собой мало оснований, индексу цитирования или аналогичным ему процедурам приписываются еще два преимущества, объясняющих популярность подобных методик в настоящее время.

Первое связывается с растущей специализацией внутри нашей дисциплины (происходящей нередко от упомянутого выше эклектицизма). Уверены, что фигура внешнего эксперта может играть здесь очень важную роль при условии, кажущемся существенно важным, а именно при публикации результатов его оценки и их открытости для внимания научного сообщества.

Второй фактор, повлиявший на популярность индекса цитирования, связан с частым рассмотрением его как кратчайшего пути к выполнению непростой задачи формальной оценки трудов других людей, которая иначе, как утверждается, многократно усложняется. Здесь, однако, важно вернуться к различию, обозначенному выше: между оценкой отдельного исследователя на протяжении его карьеры и оценкой исследовательских учреждений¹. Я не думаю, что особое усложнение может иметь место по отношению к первому типу оценивания. Если увеличивается научное сообщество экономистов, то это относится к оцениваю-

¹ Мы благодарны коллеге Роберто Чикконе, из обсуждения с которым оформилось это разделение, которое считаем весьма важным.

щим не в меньшей степени, чем к оцениваемым. При продуманной организации конкурсов на занятие должностей я не вижу причин, по которым процедура оценки станет сложнее по сравнению тем, что было всегда. Что же касается возможного увеличения числа кандидатов по каждому конкурсу, то решению этой проблемы может способствовать процедура самооценки кандидатов, требующая от них предоставления ограниченного числа их научных трудов. Действительно же подтверждается усложнение процедуры только по отношению к оценке исследовательских учреждений, отделений, факультетов, университетов и т. д. В этом случае, как уже отмечалось выше, и могут найти применение самые грубые критерии, относящиеся к числу публикаций и их размещению, избавленные, разумеется, от тенденциозности и применяемые по возможности наименее механическим образом. Отметил бы также, что, хотя стремление обеспечить наилучшее использования университетских средств на исследования и преподавание вполне понятно, необходимо сопротивляться сугубо бюрократическому стремлению к избыточному контролю, которое на деле оборачивается контролем слабым и недостаточным.

Остается, естественно, еще один важный вопрос, касающийся оценки исследований: вопрос о назначении оценивающих. Я уверен, что нельзя избежать того, что оценивающими будут только коллеги-ученые. Но оценка должна производиться в рамках прозрачной системы, в которой оценивающие обязаны аргументировать свои оценки перед лицом всего научного сообщества.

Я считаю также, что основу здесь должна составлять выборная система, сбалансированная с помощью хорошо продуманного представительства общественности и, если необходимо, иных непосредственных получателей результатов исследований. Такая выборная система может быть при этом легко настроена для включения зарубежных коллег, представляемых выборщикам для проведения конкретных оценок согласно заранее определенной процедуре.

Источники

- American Economic Association (AEA), Report of the Commission on Graduate Education in Economics // *Journal of Economic Literature*. 1991. Sept. P. 1035—1053.
- Bowles S.* Letter to Colleagues of the Commissione sulla valutazione della ricerca scientifica of the Società Italiana degli economisti. 2007. 16 March.
- Blaug M.* Ugly Currents in Modern Economics // *Policy Options/Options Politiques*. 1997. Sept. P. 3—8.
- Blaug M.* The Disease of Formalism in Economics, or Bad Games That Economists Play // *The Economics of Property* / Ed. by P. Svetozar. Cheltenham, UK, 2001. Vol. 1. P. 22—52.
- Economic Journal*. Centennial issue. 1991. Vol. 101. N 404. Jan.
- Figà Talamanca A.* L'impact factor nella valutazione della ricerca. 2006 (unpublished).
- Garegnani P.* Professor Samuelson on Sraffa and the Classical Economists // *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2007a. Vol. 14. N 2. June. P. 181—242.
- Garegnani P.* Samuelson's Misses: A Rejoinder // *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2007b. Vol. 14. N 3. Sept. P. 573—585.
- General Equilibrium. Problems and Prospects* / Ed. by F. Hahn, F. Petri. London, 2003.
- Hansen W. Lee* The Education and Training of Economics Doctorates: Major Findings of the Executive Secretary of the American Economic Association's Commission on Graduate Education in Economics // *Journal of Economic Literature*. 1991. Vol. 29. N 3. Sept. P. 1054—1087.
- Henderson H.* L'imposture // *Le Monde Diplomatique*. 2005. Févr. N 611. P. 28.
- Hey J.* The Economic Journal. Report of the Managing Editor // *Royal Economic Society Newsletter*. 1997. Jan.
- Hicks J. R.* Value and Capital. London, 1939.
- Israel G.* Una sfida estrema: la matematizzazione delle scienze economiche // *Nuova civiltà delle macchine*. 2000. N 3. P. 42—49.
- Kirman A.* The Intrinsic Limits of Modern Economic Theory: The Emperor Has No Clothes // *Economic Journal*. Royal Economic Society. 1989. Vol. 99 (395). P. 126—139.
- Klamer A., Colander D.* The Making of an Economist. Boulder, 1990.

- Leontief W.* Theoretical Assumptions and Nonobserved Facts // American Economic Review, 1971. Vol. LXI. N 1. P. 1—7.
- Malinvaud E.* The Next Fifty Years // Economic Journal. Centenary Issue. 1991. Vol. 101. N 404. Jan. P. 64—68.
- Marcuzzo C., Vianello F.* Authority per la ricerca, in Il Sole 24 Ore. 2006. 28 Aprile.
- Ministero dell'Università e della Ricerca Scientifica (MUIR). Panel 13, Scienze economiche e Statistiche, Relazione finale di Area, Roma, 2006.
- Phelps B. E. H.* The underdevelopment of Economics // Economic Journal. 1972. Vol. 82. P. 1—10.
- Samuelson P. A.* Sraffa's Hits and Misses // Critical Essays in Piero Sraffa's Legacy in Economics / Ed. by H. D. Kurz. Cambridge, 2000.
- Samuelson P. A.* Classical and Neoclassical Harmonies and Dissonances // The European Journal of the History of Economic Thought. 2007. Vol. 14. N 2. June. P. 243—271.
- Schmalensee R.* Continuity and Change in the Economics Industry // Economic Journal. 1991. Vol. 101. N 404. Jan. P. 115—121.
- Turnovsky S. J.* The Next Hundred Years // Economic Journal. 1991. Vol. 101. N 404. Jan. P. 141—148.
- Wiseman J.* The Black Box // Economic Journal. 1991. Vol. 101. N 404. Jan. P. 149—155.
- Worswick G. D. N.* Is Progress in Economic Science Possible? // Economic Journal. 1972. Vol. 82. N 325. P. 73—86.

Перевод с англ. Д. В. Мельника